

Борис Чичибабин
Прямая речь

1946–1950

«Кончусь, останусь жив ли...»

Кончусь, останусь жив ли, —
чем зарастет провал?
В Игоревом Путивле
выгорела трава.

Школьные коридоры —
тихие, не звенят...

Красные помидоры
кушайте без меня.

Как я дожил до прозы
с горькою головой?
Вечером на допросы
водит меня конвой.

Лестницы, коридоры,
хитрые письма...
Красные помидоры
кушайте без меня.

1946

Махорка

Меняю хлеб на горькую затяжку,
родимый дым приснился и запах.
И жить легко, и пропадать нетяжко
с курящейся сигаркою в зубах.

Я знал давно, задумчивый и зоркий,
что неспроста, простужен и сердит,
и в корешках, и в листиках махорки
мохнатый дьявол жметя и сидит.

А здесь, среди чахоточного быта,
где холод лют, а хижины мокры,
все искушенья жизни позабытой
для нас остались в пригоршне махры.

Горсть табаку, газетная полоска —
какое счастье проще и полней?
И вдруг во рту погаснет папироска,
и заскучает воля обо мне.

Один их тех, что «ну давай покурим»,
сболтнет, печаль надеждой осквернив,
что у ворот задумавшихся тюрем
нам остаются рады и верны.

А мне и так не жалко и не горько.
Я не хочу нечаянных порук.
Дымись дотла, душа моя махорка,
мой дорогой и ядовитый друг.

1946

Еврейскому народу

Был бы я моложе — не такая б жалость:
не на брачном ложе наша кровь смешалась.

Завтракал ты славой, ужинал бедою,
слезной и кровавой запивал водою.

«Славу запретите, отнимите кровлю», —
сказано при Тите пламенем и кровью.

Отлучилось семя от родного лона.
Помутилось племя ветхого Сиона.

Оборвались корни, облетели кроны, —
муки гетто, коль не казни да погромы.

Не с того ли Ротшильд, молодой и лютый,
лихо заворочал золотой валютой?

Застелила вьюга пеленою хрусткой
комиссаров Духа — цвет Коммуны Русской.

Ничего, что нету надо лбами нимбов, —
всех родней поэту те, кто здесь гоним был.

И не в худший день нам под стекло попала
Чаплина с Эйнштейном солнечная пара...

Не родись я Русью, не зовись я Борькой,
не водись я с грустью золотой и горькой,

не ночуй в канавах, счастьем обуюнный,

не войди я навек частью безымянной

в русские трясины, в пажити и в реки, —
я б хотел быть сыном матери-еврейки.

1946

Смутное время

По деревням ходят деды,
просят медные гроши.
С полуночи лезут шведы,
с юга — шпыни да шиши.

А в колосьях преют зерна,
пахнет кладбищем земля.
Поросли травой черной
беспризорные поля.

На дорогах стынут трупы.
Пропадает богатырь.
В очарованные трубы
Трубит матушка Сибирь.

На Литве звенят гитары.
Тула точит топоры.
На Дону живут татары.

На Москве сидят воры.

Льнет к полячке русский рыцарь.

Захмелела голова.

На словах ты мастерица,
вот на деле какова?..

Не кричит ночами петел,
не румянится заря.

Человечий пышный пепел
гости возят за моря...

Знать, с великого похмелья
завязалась канитель:

то ли плаха, то ли келья,
то ли брачная постель.

То ли к завтрему, быть может,
воцарится новый тать...

И никто нам не поможет.

И не надо помогать.

1947

Битва

В ночном, горячем, спутанном лесу,
где хмурый хмель, смола и паутина,
вбирая в ноздри беглую красу,
летят самцы на брачный поединок.

И вот, чертя смертельные круги,
хрипя и пенясь чувственной бурей,
рога в рога ударятся враги,
и дрогнет мир, обрызган кровью бурой.

И будет битва, яростью равна,
шатать стволы, гореть в огромных ранах.
И будет ждать, покорная, она,
дрожа душой за одного из равных...

В поэзии, как в свадебном лесу,
но только тех, кто цельностью означен,
земные страсти весело несут
в большую жизнь — к паденьям и удачам.

Ну, вот и я сквозь заросли искусств
несусь по строфам шумным и росистым
на милый зов, на роковой искус —
с великолепным недругом сразиться.

1951–1955

Родной язык

1

Дымом Севера овит,
не знаток я чуждых грамот.
То ли дело — в уши грянет
наш певучий алфавит.
В нем шептать лесным соблазнам,
терпким рекам рокотать.
Я свечусь, как благодать,
каждой буковкой обласкан
на родном языке.

У меня — такой уклон:
я на юге — россиянин,
а под северным сияньем
сразу делаюсь хохлом.
Но в отлучке или дома,
слышь, поют издалека
для меня, для дурака,
трубы, звезды и солома
на родном языке?

Чуть заре зарозоветь,
я, смеясь, с окошка свешусь

и вдохну земную свежесть —
расцветающий рассвет.
Люди, здравствуйте! И птицы!
И машины! И леса!
И заводов корпуса!
И заветные страницы
на родном языке.

2

Слаще снящихся музык,
гулче воздуха над лугом,
с детской зыбки был мне другом —
жизнь моя — родной язык.

Где мы с ним ни ночевали,
где ни перли напрямик!
Он к ушам моим приник
на горячем сеновале.

То смолист, а то медов,
то буйн, то нежным самым
растекался по лесам он,
пел на тысячу ладов.

Звонкий дух земли родимой,
богатырь и балагур!

А солдатский перекур!
А уральская рябина!..

Не сычи и не картавь,
перекрикивай лавины,
о ветрами полевыми
опаленная гортань!..

Сторонюсь людей ученых,
мне простые по душе.
В нашем нижнем этаже —
общезитие девчонок.

Ох и бойкий же народ,
эти чертовы простушки!
Заведут свои частушки —
кожу дрожью продерет.

Я с душою захромавшей
рад до счастья подстеречь
их непуганую речь —
шепот солнышка с ромашкой.

Милый, дерзкий, как и встарь,
мой смеющийся, открытый,
розовеющий от прыти,
расцелованный словарь...

Походил я по России,
понаслышался чудес.
Это — с детства, это — здесь
песни душу мне пронзили.

Полный смеха и любви,
поработав до устатку,
ставлю вольную палатку,
спору с добрыми людьми.

Так живу, веселый путник,
простодушный ветеран,
и со мной по вечерам
говорят Толстой и Пушкин
на родном языке.

1951

Дождик

День за днем жара такая все —
задыхайся и казись.

Я и ждать уже закаялся.
Вдруг откуда ни возьмись

с неба сахарными каплями
брызнул, добрый на почин,

на неполитые яблони,
огороды и бахчи.

Разошлась погодка знатная,
спохмела тряхнув мошной,
и заладил суток на двое
теплый, дробный, обложной.

Словно кто его просеивал
и отрушивал с решет.
Наблюдать во всей красе его
было людям хорошо.

Стали дали все позатканы,
и, от счастья просияв,
каждый видел: над посадками —
светлых капель кисея.

Не нарадуюсь на дождик.
Капай, лейся, бормочи!
Хочешь — пей его с ладошек,
хочешь — голову мочи.

Миллион прозрачных радуг,
хмурый праздник озарив,
расцветает между грядок
и пускает пузыри.

Нивы, пастбища, леса ли
стали рады, что мокры,
в теплых лужах заплясали
скоморохи-комары.

Лепестки раскрыло сердце,
вышло солнце на лужок —
и поет, как в дальнем детстве,
милой родины рожок.

1954

«И нам, мечтателям, дано...»

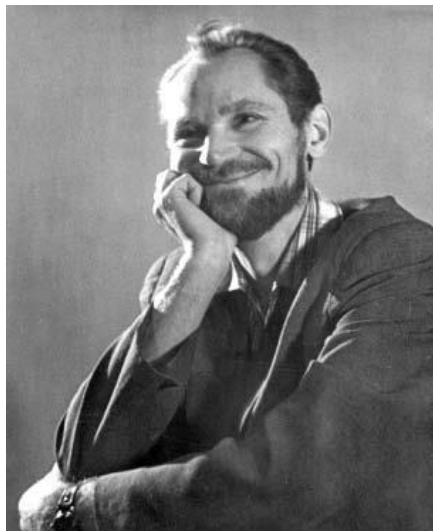
И нам, мечтателям, дано,
на склоне лет в иное канув,
перебродившее вино
тянуть из солнечных стаканов,
в объятьях дружеских стихий
служить мечте неугасимой,
ценить старинные стихи
и нянчить собственного сына.
И над росистой травой,
между редисок и фасолей,
звенеть прозрачно строфой,
наивной, мудрой и веселой.

1952

Яблоня

Чем ты пахнешь, яблоня —
золотые волосы?
Дождевыми каплями,
тишиною по лесу,
снегом нарастающим,
чем-то милым сызмала,
дорогим, нечаянным,
так, что сердце стиснуло,
небесами осени,
тополями в рубище,
теплыми колосьями
на ладони любящей.

1954

Борис Чичибабин. 1963 г.

1957–1960

«Уже картошка выкопана...»

Уже картошка выкопана,
и, чуда не суля,
в холодных зорях выкупана
промокшая земля.

Шуршит тропинка плюшевая:

весь сад от листьев рыж.
А ветер, гнезда струшивая,
скрежещет жестью крыш.

Крепки под утро заморозки,
под вечер сух снежок.
Зато глаза мои резки
и дышится свежо.

И тишина, и ясность...
Ну, словом, чем не рай?
Кому-нибудь и я снюсь
в такие вечера.

1957

Клянусь на знамени веселом

Однако радоваться рано —
и пусть орет иной оракул,
что не болеть зажившим ранам,
что не вернуться злым оравам,
что труп врага уже не знамя,
что я рискую быть отсталым,
пусть он орет, — а я-то знаю:
не умер Сталин.

Как будто дело все в убитых,
в безвестно канувших на Север, —
а разве веку не в убыток
то зло, что он в сердцах посеял?
Пока есть бедность и богатство,
пока мы лгать не перестанем
и не отучимся бояться, —
не умер Сталин.

Пока во лжи неукротимы
сидят холеные, как ханы,
антисемитские кретины
и государственные хамы,
покуда взяточник заносчив
и волокитчик беспечален,
пока добычи ждет доносчик, —
не умер Сталин.

И не по старой ли привычке
невежды стали наготове —
навешать всяческие лычки
на свежее и молодое?
У славы путь неодинаков.
Пока на радость сытым стаям
подонки травят Пастернаков, —
не умер Сталин.

А в нас самих, труслив и хищен,

не дух ли сталинский таится,
когда мы истины не ищем,
а только нового боимся?
Я на неправду чертом ринусь,
не уступлю в бою со старым,
но как тут быть, когда внутри нас
не умер Сталин?

Клянусь на знамени веселом
сражаться праведно и честно,
что будет путь мой крут и солон,
пока исчадь не исчезло,
что не сверну, и не покаюсь,
и не скажусь в бою усталым,
пока дышу я и покамест
не умер Сталин!

1959

«До гроба страсти не избуду...»

До гроба страсти не избуду.
В края чужие не поеду.
Я не был сроду и не буду,
каким пристало быть поэту.
Не в игрищах литературных,
не на пирах, не в дачных рощах —
мой дух возвращивался в тюрьмах

этапных, следственных и прочих.

И все-таки я был поэтом.

Я был одно с народом русским.
Я с ним ютился по баракам,
леса валил, подсолнух лускал,
каналы рыл и правду брякал.
На брюхе ползал по-пластунски
солдатом части минометной.
И в мире не было простушки
в меня влюбиться мимолетно.

И все-таки я был поэтом.

Мне жизнь дарила жар и кашель,
а чаще сам я был не шелков,
когда давился пшенной кашей
или махал пустой кошелкой.
Поэты прославляли вольность,
а я с неволей не расстанусь,
а у меня вылезит волос
и пять зубов во рту осталось.

И все-таки я был поэтом,
И все-таки я есмь поэт...

Влюбленный в черные деревья

да в свет восторгов незаконных,
я не внушал к себе доверья
издателей и незнакомок.

Я был простой конторской крысой,
знакомой всем грехам и бедам,
водяру дул, с вожжами грызся,
тишком за девочками бегал.

И все-таки я был поэтом,
сто тысяч раз я был поэтом,
я был взыправдашним поэтом
и подыхаю как поэт.

1960

«Поэт — что малое дитя...»

Поэт — что малое дитя.
Он верит женщинам и соснам,
и стих, написанный шутя,
как жизнь, священ и неосознан.

То гроыхает, как пророк,
а то дурачится, как клоун.
Бог весть, зачем и для кого он,
пойдет ли будущему впрок.
Как сон, от быта отрешен,
и кто прочтет и чем навеян?

У древней тайны вдохновенья
напрасно спрашивать резон.

Но перед тем как сесть за стол
и прежде чем стихам начаться,
я твердо ведаю, за что
меня не жалует начальство.

Я б не сложил и пары слов,
когда б судьбы мирской горнило
моих висков не опалило,
души моей не потрясло.

1960

1961–1965

«Когда весь жар, весь холод был изведен...»

Когда весь жар, весь холод был изведен,
и я не ждал, не помнил ничего,
лишь ты одна коснулась звонким светом
моих дорог и мрака моего.

В чужой огонь шагнула без опаски
и принесла мне пряные дары.
С тех пор иду за песнями запястий,

где все слова значимы и добры.

Моей пустыни холод соловьиный,
и вечный жар обветренных могил,
и небо пусть опустятся с повинной
к твоим ногам, прохладным и нагим.

Побудь еще раз в россыпи сирени,
чтоб темный луч упал на сарафан,
и чтоб глаза от радости сырели,
и шмель звенел, и хмель озоровал.

На свете нет весны неизносимой:
в палящий зной поляжет, порыжев,
умрут стихи, осыплются осины,
а мы с тобой навеки в барыше.

Кто, как не ты, тоску мою утешит,
когда, листву мешая и шумя,
щемящий ветер борозды расчешет
и затрещит роса, как чешуя?

Я не замерзну в холоде декабрьском
и не состарюсь в темном терему,
всем гулом сердца, всем моим дикарством
влюбленно верен свету твоему.

Белые кувшинки

Что за беда, что ты продрог и вымок?
Средь мошкары, лягушечьих ужимок
протри глаза и в прелести омой,
нет ничего прекраснее кувшинок,
плавучих, белых, блещущих кувшинок.
Они — как символ лирики самой.

Свежи, чисты, застенчиво-волшебны,
для всех, кто любит, чашами стоят.
А там, на дне, — не думали уже б мы, —
там смрадный мрак, пиявок черных яд.

На душном дне рождается краса их
для всех, а не для избранных натур.
Как ждет всю жизнь поэзию прозаик,
кувшинки ждут, вкушая темноту.

О, как горюют, царственные цацы,
как ужас им дыханье заволок,
в какой тоске сподыспода стучатся
стеблями рук в стеклянный потолок!

Из черноты, пузырьчатой и вязкой,
из тьмы и тины, женственно-белы,

восходят ввысь над холодом и ряской.
И звезды пьют из белой пиалы.

1961

Крымские прогулки

Колонизаторам — крышка!
Что языки чесать?

Перед землю крымской
совесть моя чиста.
Крупные виноградины...
Дует с вершин свежо.

Я никого не грабил.
Я ничего не жег.
Плевать я хотел на тебя, Ливадия,
и в памяти плебейской
не станет вырисовываться
дворцами с арабесками
Алупка воронцовская.
Дубовое вино я
тянул и помнил долго.

А более иное
мне памятно и дорого.

Волны мой след кропили,
плечи царапал лес.
Улочками кривыми
в горы дышал и лез.
Думал о Крыме: чей ты,
кровью чужой разбавленный?
Чьи у тебя мечети,
прозвища и развалины?

Проверить хотелось версийки
приехавшему с Руси:
чей виноград и персики
в этих краях росли?
Люди на пляж, я — с пляжа,
там, у лесов и скал,
«Где же татары?» — спрашивал,
все я татар искал.

Шел, где паслись отары,
желтую пыль топтал,
«Где ж вы, — кричал, — татары?»
Нет никаких татар.
А жили же вот тут они
с оскоминой о Мекке.
Цвели деревья тутовые,
и козочки мекали.

Не русская Ривьера,
а древняя Орда
жила, в Аллаха верила,
лепила города.
Кому-то, зная, мешая
зарей во всю щеку,
была сестра меньшая
Казани и Баку.

Конюхи и кулинары,
радуясь синеве,
песнями пеленали
дочек и сыновей.
Их нищета назойливо
наши глаза мозолила.
Был и очаг, и зелень,
и для ночлега кров...

Слезы глаза разъели им,
выстыла в жилах кровь.
Это не при Иване,
это не при Петре:
сами, небось, припевали:
«Нет никого мудрей».

Стало их горе солоно.
Брали их целыми селами,
сколько в вагон поместится.

Шел эшелон по месяцу.
Девочки там зачали,
ни очага, ни сакли.
Родина оптом, так сказать,
отнята и подарена, —
и на земле татарской
ни одного татарина.

Живы, поди, не все они:
мало ль у смерти жатв?
Где-то на сивом Севере
косточки их лежат.

Кто помирай, кто вешайся,
кто с камнем на конвой, —
в музеях краеведческих
не вспомнят никого.
Сидит начальство важное:
«Дай, — думает, — повру-ка».
Вся жизнь брехнею связана,
как круговой порукой.

Теперь, хоть и обмолвитесь,
хоть правду кто и вымолви, —
чему поверит молодость?
Все верные повымерли.

Чепухи не порите-ка.

Мы ведь все одноглавые.
У меня — не политика.
У меня — этнография.
На ладони прохукав,
спотыкаясь, где шел,
это в здешних прогулках
я такое нашел.

Мы все привыкли к страшному,
на сковородках жариться.
У нас не надо спрашивать
ни доброты ни жалости.

Умершим — не подняться,
не добудиться умерших...
но чтоб целую нацию —
это ж надо додуматься...

А монументы Сталина,
что гнул под ними спину ты,
как стали раз поставлены,
так и стоят нескинуты.

А новые крадутся,
честь растеряв,
к власти и к радости
через тела.

А вражьи уши радуя,
чтоб было что писать,
врет без запинки радио,
тщательно врет печать.
Когда ж ты родишься,
в огне трепеща,
новый Радищев —
гнев и печаль?

1961

«Во мне проснулось сердце эллина...»

Во мне проснулось сердце эллина.
Я вижу сосны, жаб, ежа
и радуюсь, что роща зелена
и что вода в пруду свежа.

Не называйте неудачником.
Я всем удачам предпочел
сбежать с дорожным чемоданчиком
в страну травы, в отчизну пчел.

Люблю мальчишек, закопавшихся
в песок на теплом берегу,
и — каюсь — каждую купальщицу
в нескромных взорах берегу.

Благословенны дни безделия
с подругой доброй средь дубрав,
когда мы оба, как бестелые,
лежим, весь бор в себя вобрав.

Мы ездили на хутор Коробов,
на кручи солнца, в край лесов.
Он весь звенел от шурких шорохов
и соловьиных голосов.

Мы ничего с тобой не нажили,
привыкли к всяческой беде.
Но эти чащи были нашими,
мы в них стояли, обалдев.

Уху варили, чушь пороли,
ловили с лодки щук-раззяв
и ночевали на пароме,
травы на бревна набросав.

О, если б кто в ладонях любящих
сумел до старости донести
в кувшинках, в камышовых трубочках
до дна светящийся Донец!..

Плескалась рыба, бились хвостики.
Реки и леса красота,